

Шагнуть за порог глобального мира

Дмитрий Евстафьев

Д.Г. Евстафьев – кандидат политических наук, профессор Института медиа факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21

Специальная военная операция России на Украине дала возможность обществу и власти посмотреть на себя со стороны и поставила ряд сложных вопросов. Они объединили в единое целое проблему формирующегося на наших глазах мира и традиционно тяжёлые дискуссии об истории России и её месте в нём. На протяжении года характер дискурса принципиально менялся¹. Конфликт вокруг Украины не просто стал в 2022 г. фокусом мировых процессов, но и продемонстрировал контуры архитектуры будущего мира.

ПОСТЭКОНОМИКА

Позднеглобальный мир – система сложносоставная. С одной стороны, присутствуют рудименты мира глобального, прежде всего – цифровые надпространственные коммуникации, на которые опирается глобализированный финансовый сектор и которые обеспечивают социальный и социокультурный универсализм. С другой – новые элементы, не характерные для 2010-х гг.: силовая геοэкономика и снятие табу на перекройку политического пространства. Мы не случайно стали часто к месту и не к месту употреблять термин «гибридный», говоря о сложности и многослойности той или иной политической, военно-силовой

¹ Лукьянов Ф.А. Неожиданный индикатор перемен // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №. 4. С. 5–8.

или экономической конструкции. Относительно продолжительный период предхаоса (как минимум 2017–2021 гг.)² политически «узаконил» многоаспектность политики и экономики. Стало невозможно принимать чисто экономические или политические решения, зафиксировалась неразделимость внутреннего развития и внешней политики.

Мир входит в эру посткапитализма и даже постэкономики, если брать за точку отсчёта рыночную экономику конца 1990-х – 2010-х гг. (правда, у ряда западных экономистов есть сомнения, что и та система была подлинно капиталистической³). Сейчас игнорирование базовых оснований экономической модели конца прошлого – начала этого века становится системным. Процесс постэкономизации только разворачивается, но долгосрочные решения уже принимаются, исходя из соображений перспективной геоэкономической (то есть силовой, а не собственно рыночной) конфигурации мира. Иными словами, на основе политической воли и почти всегда без учёта их непосредственных социально-экономических последствий. Однако такая логика не делает формируемый мир антиэкономическим. Напротив, налицо начало периода политического и военно-политического «инвестирования» в будущую архитектуру глобальной экономики, которая более не может развиваться в прежних институциональных рамках.

Фактически происходит не хаотизация пространства мировой политики и экономики как таковая, а столкновение отрицающих друг друга логик средне- и тем более долгосрочного развития. Но логик, ещё не получивших полноценного институционального воплощения. Отсюда – и ощущение хаоса.

В 2023 г. мы находимся внутри имманентно краткосрочного мира. И это касается не только глобальной экономики, что очевидно всем, но и политики, культуры, даже истории, ставшей изменчивой не только в России, но и повсеместно. В США исторических нарративов теперь вообще несколько. Главное: полностью исчезли

² Евстафьев Д.Г. Предхаос как среднесрочное состояние глобальной политики и экономики // Экономические стратегии. 2021. No. 1. С. 22–29.

³ Сален П. Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов / Пер. с франц. Д. Краlechкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 272 с.

единые правила политической и экономической игры. И те, что существовали в период холодной войны (а она в 1970-е гг. даже формально стала игрой по правилам – наступило время заключения больших соглашений), и те, что имели место, например, в разгар «большой игры» последней трети XIX века, когда определялась окончательная геополитическая и геоэкономическая конфигурация колониальной фазы мира модерна.

ПЕРИОД ХАОТИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИОННОГО РАДИКАЛИЗМА

Наступление периода социальной деструкции проявляется и в том, что всё большее значение приобретают личностные факторы, так бывает всегда в периоды кризиса больших систем. Отдельный харизматичный человек сейчас значим в любой стране или транснациональной экономической системе гораздо больше, чем ещё десять, тем более двадцать лет назад. Но это переходный момент, и нынешний предхаос должен закончиться глубинной трансформацией, которая расчистит место для новой институционализации в политике и экономике, а в перспективе – для воссоздания на другой основе устойчивого права в противовес ситуативным и конкурирующим системам правил. Устойчивые и универсальные принципы не только межгосударственного, но и межсистемного взаимодействия подразумевают новую геоэкономическую архитектуру и восстановление хотя бы базовой геоэкономической рациональности в поведении крупнейших участников. Сейчас она заменена перспективной политической целесообразностью, своего рода инвестициями в будущие геоэкономические позиции на основе политических решений.

В такой логике, вероятно, и стоит оценивать политику ключевых стран Запада во главе с США, которые в конце прошлого – начале этого десятилетия сознательно затягивали решения о выходе из состояния предхаоса. Они понимали, что их организационных и экономических ресурсов не хватит не только для усиления позиций, но даже и просто для поддержания устойчивости системы. Обратим внимание на меткую мысль Барри Позена, что *Rax Epidemica*, мир, возникающий в процессе реализации пандемических ограничений и борьбы с коронавирусом, способствует консервации существующей системы глобальных отношений – и политических и экономи-

ческих⁴. Да и действия Соединённых Штатов, монополизировавших политическое управление «коллективным Западом» на фоне начавшихся глобальных трансформаций, призваны сохранить основные глобализированные системы финансово-инвестиционного капитализма, в сущности, и приведшего нынешнюю модель глобализации к глубочайшему кризису. В США понимают, что, в отличие от «жертвы пространства» (Афганистан, даже часть Среднего Востока и т.п.), утрата контроля над надпространственными системами приведёт не к кризису, а к краху американоцентричной глобализации.

Вся стратегия Вашингтона сводилась в последнее десятилетие к тому, чтобы не допустить «захвата» конкурирующим ядром важнейших в ресурсном отношении пространств (не обязательно путём установления эффективного политико-силового контроля, возможно, и без прямого демонтажа суверенитета). Единственным претендентом на статус полноценного конкурента в позднеглобальном мире виделся Китай, что и предопределило не только остроту отношения к его экономическому и технологическому укреплению⁵, но и максимальное противодействие попыткам Пекина создать свою сферу союзнических связей на основе геоэкономического и социально-модернизационного проекта «Один пояс – один путь», который экономически привязал бы Евросоюз к КНР, и военно-стратегических отношений с Россией, превращавших Москву де-факто в младшего геополитического партнёра Пекина.

В социальном плане это означало, что помимо «потребителей» в мире поздней глобализации должны были быть ещё и «воины». А для их воспитания и развития нужна совершенно иная социально-идеологическая среда. Отсюда и накачка радикально-националистических настроений в условиях стратегического цейтнота и наличия прикладных задач, приобретших откровенно антироссийский фокус. Украина – наглядный пример форсированного воспитания такого «государства-воина», для которого по итогам нынешней баталии не останется иной социально-политической ниши. В целом идеологизация и милитаризация социального про-

⁴ Позен Б. Пандемии сохраняют мир? // Россия в глобальной политике. 13.05.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemii-mir/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵ Аллисон Г. Обречённые воевать / Пер. с англ. К.М. Королёва. М.: Изд-во АСТ, 2019. 416 с.

странства являются долгосрочной тенденцией, связанной с Россией лишь частично.

Характер целей и задач коллективного Запада, внешне выглядявших «оборонительными», снимал значимые сдерживающие факторы в части использования определённых инструментов. Поэтому модель хаотизации территорий, которые не могут быть поставлены под управление «ядром» глобального мира, но потенциально ценны для конкурентов, стала допустимой. Формулировка «так не доставайся же ты никому» отражает подходы к целому ряду регионов. Это не столько постсоветская Евразия, в особенности – её центральноазиатский сектор, сколько Ближний и прежде всего Средний Восток, Африка, ряд регионов Юго-Восточной Азии, где набирают темп процессы социальной деградации и связанной с ней политической хаотизации.

Проблема американской политики (в 2016–2022 гг. США по нарастающей определяли действия «ядра» глобализации и добились там практически монополии на влияние) заключалась в том, что набор «малоценных» регионов менялся в зависимости от тактических целей. Так произошло с Ближним Востоком. Он прошёл путь от главного кандидата на хаотизацию с целью полного реформирования (проект нового «Большого Ближнего Востока» в начале 2000-х гг.) до одного из наиболее приоритетных для Соединённых Штатов регионов, отношения с ключевыми странами которого пытаются восстановить любыми средствами. Примерно то же происходит сейчас со Средним Востоком. Вероятно, похожий зигзаг ждёт и Южную Азию, если в Вашингтоне придут к выводу о невозможности превращения Индии в опорного антикитайского союзника.

Можно ли в полной мере разделить мир на «цивилизацию», построенную на «правилах», и пространство хаотизации? Маловероятно. Покуда сохраняются хотя бы остаточные элементы поздней глобализации (трансрегиональная торговля, свобода обмена информацией, технологическое разделение труда), жёсткое социальное разграничение «цивилизации» и «дикого поля» крайне сомнительно, что доказал пример отношений США и Мексики. В этом смысле «модель Жозепа Борреля» – установление «забора», линии разделения между относительно благополучной в социальном отношении зоной («сад») и пространствами, обречёнными на

социальную деградацию («джунгли»), содержит фатальное внутреннее противоречие. Заявляя о потребности сохранить основные механизмы и инструменты глобализации, условный Запад вынужден сам же их разрушать на уровне практической политики.

Но структурно неустойчивый мир даже после окончания деструктивной фазы трансформаций не сможет позволить себе глобальное «дикое поле», во всяком случае, в таких масштабах, как вырисовывается сейчас. Иными словами, перед «не-Западом» встает дилемма. Либо самоструктурироваться и стать если не «мировым большинством»⁶, то системой динамично развивающихся региональных сообществ, которые опирались бы на правила поведения, выработанные в диалоге, либо пре-

вратиться в манипулируемое и дестабилизируемое извне «дикое поле». В любом случае внутреннее (страновое или региональное) упорядочивание «не-Запада» будет определяться его способностью выработать для себя эффективную модель социального развития и социальной модернизации, а не только установления более справедливого режима перераспределения ресурсной и логистической ренты. Показательно, что большая часть стран «не-Запада», претендующих на влияние в мире (от Турции до Бразилии, Россия не исключение), помимо нереализованной потребности в новом геополитическом статусе испытывает заметные проблемы, связанные с сохранением внутренней социально-политической стабильности и целостности.

Если обобщить, главный аспект конкуренции на нынешнем этапе – противоборство между попытками хаотизации пространства и политикой его структурирования, в том числе с использованием военно-силовых инструментов, тем более что в классическом виде «мягкая сила» уже не работает даже для её изобретателей⁷.

Суверенность даже в формальном пространственном толковании не является для многих стран определяющей политической ценностью.

Если обобщить, главный аспект конкуренции на нынешнем этапе – противоборство между попытками хаотизации пространства и политикой его структурирования, в том числе с использованием военно-силовых инструментов, тем более что в классическом виде «мягкая сила» уже не работает даже для её изобретателей⁷.

⁶ Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 5. С. 6–18.

⁷ How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs. 24.01.2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 12.12.2022).

СУВЕРЕНИТЕТ И ДРУГИЕ ФОРМЫ УСТРОЙСТВА

И здесь мы сталкиваемся с важным концептуальным противоречием. Российская политика последних лет была направлена на побуждение, а в чём-то пробуждение других стран к суверенному поведению в отношении глобального гегемона. Но политическая практика показывает, что суверенность даже в формальном пространственном толковании не является для многих стран определяющей политической ценностью. Напротив, очевидна готовность многих не только развивающихся, но и развитых стран делегировать значительную часть суверенитета либо наднациональным структурам, либо другим государствам, восстанавливая казавшиеся архаическими форматы межгосударственных отношений: доминион, протекторат и т.п.

Из этого вытекает вопрос, напрямую касающийся пространственного устройства будущего мира. Допускаем ли мы частичное возрождение если не правовой, то операционной составляющей колониализма в отношении обществ и пространств, доказавших за последние 30–40 лет неспособность к формированию собственных полноценных государственных систем? Пример элиты Украины, пришедшей за тридцать лет к статусу почти классического «протектората» или даже «подмандатной территории» (учитывая деградацию государственных институтов), – яркая, но не последняя иллюстрация привлекательности десоверенизации как модели. Отчасти данный феномен отражает неспособность большинства государств к созданию суверенной экономической базы, обеспечивающей хотя бы поддержание уровня социально-экономического развития (это, впрочем, как раз не украинский случай, там база была солидная, а причины сугубо идейно-политические). Но в неоглобальном мире стран, способных к суверенному экономическому поведению, будет ненамного больше, чем в позднеглобальном, а скорее даже меньше. Это потребует пересмотра нынешнего подхода, который рассматривает суверенность в качестве основы неоглобального мира.

Вопрос не в нашей потребности реализовывать колониальную модель управления «диким полем». В истории России можно найти разные аналогии, но в целом классический колониализм для нашей страны не характерен. Важнее – как политически, гео-

политически и геоэкономически относиться к тем реальностям несuverенного управления важнейшими пространствами, которые мы наблюдаем сейчас.

Это не исключает возникновения жёстких противоречий между игроками, включёнными в ядро глобализации. Доминирование США способно на определённом этапе просто дать сбой по тем же самым внутривидовым и внутренним социальным причинам. И тогда внутривидовая конкуренция, причём разноуровневая, ведущаяся разнородными субъектами: государствами, транснациональными компаниями, сетевыми социально-политическими структурами, субъектами «серого» и «чёрного» сегментов экономики (а их значение в последние годы только росло, что и доказали события десятилетия 2010–2020 гг. на Ближнем и Среднем Востоке), станет ключевым фактором в развитии нео-Запада, где доминирование именно Соединённых Штатов как единственно суверенной метрополии не predetermined.

Даже внутри мира успешной по форме американоцентричной глобализации были силы не только на уровне национальных элит, а скорее, на уровне альтернативных глобальных элитных групп, заинтересованные как минимум в улучшении своих позиций путём частичного разрушения американоцентричных систем. Тех, что стали, по их мнению, костными и неэффективными. Напомним о противоречиях между администрацией Джозефа Байдена и цифровыми гигантами по поводу приоритетного права на регулирование цифровых глобализированных коммуникаций, проявившиеся летом 2021 г., в период максимальной потребности к консолидации американской элиты накануне решительного противостояния с Россией и десоверенизации Европы.

Фундаментальная проблема сегодня – недооценка не только потенциала хаотизации, но и масштабов влияния альтернативных и квази- (или даже «псевдо-», то есть искусственно сконструированных) контрэлит, заинтересованных в относительно больших её масштабах. Отсюда и центральный вопрос современных глобальных трансформаций: как выйти за порог тупиковой модели экономического развития без глобальной политико-экономической катастрофы, всеобщего геоэкономического «обнуления»? И возможно ли это в принципе? Реальны ли экономические «правила

игры», ограничивающие дестабилизацию на время глобальных трансформаций, или же мы обречены на долгую конкуренцию «всех против всех» с возникновением цепи вооружённых конфликтов по границам, «краям» зон влияния и зон перспективных интересов? Что представляет собой посткапитализм – важно. Но мы пока не готовы полноценно ответить на этот вопрос, к тому же до посткапитализма как устойчивой системы экономических отношений ещё нужно дожить.

НОВАЯ ВЕРСИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сама формулировка «постглобальный мир» концептуально неверна. Даже при «закритических» режимах распада современной системы международных политических и экономических отношений, то есть через цепочку не «малых» конфликтов (принцип каскадируемой «мятежевойны»⁸), а пролонгированных противостояний средней интенсивности, система сохранит значительные элементы глобальности.

Корректнее говорить не столько о пост-, сколько о неоглобальности, то есть новой версии глобализации. В формирующейся её версии, которую можно было бы назвать «конкурентной неоглобальностью», будут динамически сосуществовать «большие системы»: государства, корпорации, социально-политические акторы, ориентированные на сохранение хотя бы части глобальных систем, и силы, делающие ставку на регионализацию и локализацию: классическую геоэкономическую регионализацию формата 1970–1980-х гг. либо конструирование новых макрорегионов. В любом случае конкуренция за влияние на характер деятельности глобальных надпространственных систем станет важнейшим элементом борьбы за право влиять на формирование архитектуры будущего мира. Вероятно, именно поэтому наиболее антагонистическим сейчас является противостояние на социально-ценностном уровне, который ошибочно считают «идеологическим»: ценностный уровень во многом определяет направленность надпространственных систем. Ценностный антагонизм преобладает даже над интересами сохранения экономической взаимозависимости, побуждая к её перестроению.

⁸ Можегов В.И. Мировая гражданская война. М.: Родина, 2021. 224 с.

Первой, но не последней попыткой был прожект «Альянса демократий», продвигавшийся администрацией Байдена.

Возникающий мир будет не устойчивой, долгоживущей системой, а некоей «бета-версией» неоглобальности. Она позволит человечеству войти в новый период «долгого мира» не только за счёт нового «баланса сил», вырастающего из «баланса страха» перед неконтролируемой эскалацией (первые признаки наблюдаются уже сейчас). Центральное содержание нынешнего этапа – конкуренция за возможности влиять на процесс определения устойчивых правил глобального взаимодействия, способных превратиться в новое международное право.

Выдвинем несколько предположений о неоглобальности:

- Приоритетное значение на этапе формирования неоглобального мира имеет, безусловно, «экономика больших систем». Она и операционно, и методологически противостоит «экономике индикаторов» времён поздней глобализации, обслуживавшей механизмы глобальной экономической взаимозависимости. Но они опирались на сложившиеся в 2010-е гг. (после финансового кризиса 2008–2009 гг.) механизмы поддержания устойчивости глобальных финансов и мировой торговли, а также мировое разделение не столько труда, сколько технологических схем, которые обеспечивали американоцентричный характер изъятия «ренты». Поэтому США прилагают максимальные усилия для сохранения доминирования доллара в системе мировой торговли и инвестициях. И именно вокруг дедолларизации предстоит максимально жёсткое противостояние на переходном этапе, поскольку это в отличие от деамериканизации глобального информационного общества видится достижимой целью. Центральным элементом будет не сама дедолларизация, а создание лежащих вне американоцентричного контура мировой финансовой системы механизмов монетизации ренты разного типа (от ренты природных ресурсов до логистической) и превращения её в инвестиционные ресурсы.
- Геоэкономическая трансформация мира, признаваемая в том числе и на Западе⁹ и неизбежно сопряжённая с необходимостью

⁹ Ергин Д. Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / Пер. с англ. М. Витебского. М.: Интеллектуальная литература, 2021. 444 с.

обеспечить комплексную пространственную защищённость, на определённом этапе ведёт к необходимости политического переустройства. Тем более что табу на изменение послевоенных границ снято не только в Европе (и эту реальность, возникшую после признания Косово и воссоединения Крыма с Россией, следовало бы признать всем сторонам), но и в других регионах мира: в Африке, где преодоление колониальной политической географии неизбежно, в ближайшей перспективе, возможно, на Ближнем и Среднем Востоке. Но пространственные изменения могут происходить не только в формате классического взаимодействия национальных государств. В геоэкономических и даже геополитических трансформациях участвуют «большие системы» негосударственного типа: религиозные объединения, транснациональные компании, ЧВК. Да и в целом десувверенизация способна на определённом этапе привести к деогосударствлению, замене политических и управленческих форм, свойственных государствам, на упрощённые, не требующие политического суверенитета.

- Возникающая на наших глазах система не будет устойчивой хотя бы потому, что мир на относительно длительный срок будет характеризоваться многообразием акторов, а в ряде случаев – их ситуативной операционной равновесностью. В конкретных ситуациях возможности национальных государств и негосударственных участников (корпоративные структуры, ЧВК и т.п.) будут как минимум сравнимы. Уже сейчас это происходит в ряде регионов мира, прежде всего в Африке. Ещё недавно, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. такое было нормой в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. И подобная модель управления пространством может восстановиться, формируя систему своего рода постнеоколониализма.
- Отсюда предположение: на среднесрочную перспективу – формирование относительно устойчивой неоглобальности будет связано с упорядочиванием правил игры в многоакторном мире и выработкой архитектуры, наиболее адекватной его организационной модели. Вероятно, в её основе останется классическое национальное государство, но в формате, способном интегрировать объективно существующую многоакторность.

В особенности это касается пространств «оспариваемого суверенитета», не включённых полностью в экономическую структуру того или иного государства.

- Параллельно с геоэкономическими трансформациями и нарастанием запроса на политическое переформатирование мира всё больше признаков кризиса нынешней модели социального развития, основанной на потребительском и социально-поведенческом универсализме. Именно она и порождённые ей социокультурные стереотипы выступали в последнее десятилетие одной из наиболее эффективных «скреп» американоцентричной глобализации и одновременно одним из важнейших стимулов экономического развития. Вероятно, ряд элементов позднеглобальной модели социального развития (в частности, связанных с ролью кредитного персонального потребления, а также с относительной свободой передвижения) сохранятся и в неоглобальном мире, хотя уже вряд ли как единственно возможные, разделяющие общество на «норму» и «маргиналию»¹⁰. Выработка и апробация новых, конкурирующих моделей социального развития и поведения – отдельная тема, но конкуренция социальных парадигм неизбежно ставит вопрос, что борьба за влияние в неоглобальном мире развернётся и в сфере сохранения внутренней социальной устойчивости претендентов на глобальное лидерство.

Неоглобальность – конкурентная среда. Формирование геоэкономических макрорегионов как пространств защищённого экономического суверенитета сочетается в ней с соперничеством за право структурирования и эксплуатации ресурсно-логистических пространств, которые становятся объектом десуверенизации. Конкуренция происходит на фоне сохранения, хотя и в сокращающемся виде, дееспособности систем позднеглобального мира, не только в экономике, но в первую очередь в сфере социальных и социокультурных отношений. Неоглобальность диалектично объединяет глобальную деуниверсализацию и региональное экономическое, политическое и культурное структурирование (контурные новые

¹⁰ Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. Постглобальная модель социального развития: диалектика преемственности и отрицания // Век глобализации. 2022. Т. 41. No. 1. С. 42–54.

макрорегионов могут не совпадать с теми, к которым мы привыкли за годы «долгого мира»). Последнее, вероятно, допускает и крайне жёсткие методы. Но с уверенностью предсказать, какой из компонентов – глобальный или региональный – будет доминировать в конкретном пространстве, затруднительно. Тем более что пока сила объективной регионализации мировой экономики не привела к критическому разрушению ни одной глобальной системы, хотя межгосударственные противоречия уже перешли в силовую фазу.

Внутренняя противоречивость, подвижность – главная черта мира, в который мы входим. В нём происходят процессы внутрисистемного структурирования и выстраивания механизмов социального управления.

Процессы политического и геоэкономического оформления Евразии, которые, как мы видим, идут с опережением по сравнению с другими регионами, когда-то способны стать «модельными», как минимум сформировать новые «рамки допустимого» в практиках не только геоэкономического, но и геополитического структурирования пространства при любом исходе конфликта вокруг Украины.

Базовые экономические платформы для консолидации макрорегионов и источники экономического роста могут быть принципиально различными. Эта идея не является чем-то принципиально новым для западной экономической мысли¹¹. Зачастую Западу для проработки проблематики, связанной с неоглобальным миром, не требуется создавать нечто инновационное. Достаточно вывести на первый план политические, социальные и экономические концепции, ранее считавшиеся «альтернативными». Но обострение подразумевает как минимум частичную геоэкономическую деглобализацию и переформатирование вплоть до разрыва (не всегда управляемого) технологических, логистических и ресурсных цепочек, когда в них накапливаются чрезмерные неэкономические риски.

Из этого вытекают, в свою очередь, две констатации.

С одной стороны, растёт роль политико-силовых инструментов на начальном этапе трансформаций, что означает отход от «гибридных» политико-информационных манипуляций периода

¹¹ Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / Пер. с англ. А. Калинина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.

заката текущей версии глобализации в пользу прямых силовых методов. Мы находимся на этапе «предъявления возможностей» упорядочить хаотизацию, которые и станут критерием для признания за какой-то системой (подчеркнём вновь – не обязательно на данном этапе), государством, прав на статус «ядра» одного из макрорегионов глобального мира. Это предопределил специфику ближайших лет: политическую деинституционализацию и дальнейший разрыв связей экономической взаимозависимости, что сделает невозможным поддержание привычного для 2010-х гг. социального стандарта на базе кредитного потребления.

С другой стороны, после формирования «ядер» макрорегионов и их ближайшей промышленно-ресурсной периферии, что обозначит контуры «баланса возможностей» («баланса перспектив»), возможен переход к более продуктивному диалогу крупнейших участников. Здесь определяющими направлениями станут политическое конструирование и то, что именовалось «дипломатией» в классическом смысле. Тогда мы окажемся в мире, больше напоминающем период «упорядоченной холодной войны» – от 1962-го (Карибского кризиса) до 1972 г.¹², нежели нынешний этап в развитии системы международных отношений. Вот тогда и наступит время новой институционализации, сперва – геоэкономической, а затем и политической.

¹² 29 мая 1972 г. в Москве была подписана декларация «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки», установившая в общем виде некие пределы межгосударственной конфронтации.